

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная история Виноградовских чтений в МГУ 1999–2011 гг.*

Научные чтения, посвященные памяти академика, профессора, руководителя кафедры русского языка филологического факультета МГУ в 1945–1969 гг. Виктора Владимировича Виноградова, проводятся в МГУ с 1970 г. Они приурочены ко дню рождения великого филолога – 12 января¹, проходят в разгар студенческой сессии, время между Рождеством и Татьяниным днем, и традиционно открывают новый академический год, уже не одно десятилетие собирая на Воробьевых горах и маститых ученых, и аспирантов, и студенческую молодежь. В 2011 г. прошли XLII Чтения. Так имя и идеи В.В. Виноградова перешагнули в новый век.

1999–2011 гг. – период чуть больше десятилетия, на который приходится, пожалуй,

самый остро прочувствованный рубеж нашего времени – миллениум. Современный человек стремится осмыслить пограничный характер нашего времени, охватить сознанием крупные временные блоки и зафиксировать крупнейший переход во времени (из столетия в столетие, из тысячелетия в тысячелетие). Это прослеживается в названиях международных лингвистических форумов: «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» (филологический факультет МГУ, февраль 1995 г.); «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» (ИРЯ РАН и МГЛУ, июнь 2002 г.); «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия» (ИРЯ РАН, май 2007 г.).

Листая хроники Виноградовских чтений, понимаешь, что весь этот двенадцатилетний период осознавался организаторами и участниками как время рубежей, переходов, многие из которых связаны со значимыми датами и событиями в культуре и в лингвистике: 1999 год – юбилейные, XXX, Чтения посвящены 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Чтения 2001 года отмечены в хронике как «первые Виноградовские чтения нового тысячелетия», 2005 год – 250-летие Московского университета и 110-летие В.В. Виноградова, 2007 год – это год 60-летия знаменитой книги В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» и Год русского языка, 2011 год – 50-летие выхода «Словаря языка Пушкина» под редакцией В.В. Виноградова. Человеку эпохи рубежей свойственно подводить итоги и заглядывать в будущее в стремлении предвидеть дальнейший ход событий.

На протяжении этих лет организатором Чтений является Г.А. Золотова, ученица В.В. Виноградова, глава научной школы, продолжающей и развивающей научные традиции В.В. Виноградова.

Имя В.В. Виноградова остается ориентиром, определяющим тематику, направление и методологию исследований, лежащих в основе

* Благодарим сотрудников библиотеки ИРЯ РАН и лично заведующую Г.А. Онешко за помощь в подборе периодической литературы при подготовке настоящего обзора.

¹ 31 декабря 1894 г. / 12 января 1895 г. – официальная дата рождения В.В. Виноградова. Однако красвед г. Зарайска, родного города В.В. Виноградова, О.В. Полянчева, продолжив разыскания, начатые ее отцом В.И. Полянчевым, получила в Зарайском архиве справку о том, что в метрической книге Троицкой церкви сделана следующая запись о рождении и крещении В.В. Виноградова: «Запись о рождении: 16 ОКТЯБРЯ 1894 г. Крещение: 17 ОКТЯБРЯ 1894 г. В крещении получил имя Виктор. Отец – Троицкой церкви священник Владимир Александров (Александрович, совр.) Виноградов. Мать – законная жена сего Ольга Иванова (Ивановна, совр.). Оба православного вероисповедания». Приносим благодарность красведам г. Зарайска, педагогическому и студенческому коллективу Зарайского педагогического колледжа (в котором создан музей В.В. Виноградова и ведется исследовательская работа) и лично Е.Е. Десву за помощь в установлении точной даты рождения В.В. Виноградова.

докладов, которые звучат на Чтениях в МГУ; камертоном, по которому проверяется филологический тон новых исследований; тем центром, вокруг которого объединяются научные единомышленники и противники. Имя Виноградова собирает людей науки, не ставя каких-либо ограничений, и это обусловлено широчайшим спектром научных интересов самого Виноградова, в личности которого соединялись многогранный и тонкий ученый и резкий полемист. В программе Чтений заявляются темы, связанные со сферой исследований самого В.В. Виноградова: современная грамматика, лексикология, стилистика, науковедение, история литературного языка и историческая языковая рефлексия, диалектология и фонетика, художественный текст, риторика, пушкенистика. Сегодня, когда нащупываются пути к интеграционному видению объекта, научный метод Виноградова привлекает универсальностью: мышление Виноградова соединяло, не противопоставляя, смысл и форму, лексику и грамматику, грамматику и текст, исторические и современные аспекты изучения языка («историческое напряжение», по выражению А.П. Чудакова).

Начало ХХI в. – это время нового осмысления наследия Виноградова, независимо от наших предпочтений и приоритетов в науке. На смену фрагментарности объекта и знания приходит стремление увидеть объект в целостности; основанием целостного взгляда выступает для исследователя, прежде всего, связь грамматики с текстом: текст является средой, в которой осуществляется язык, в котором воплощаются интенции говорящего, его мысль. Поэтому так притягательно становится имя Виноградова, побуждающее участников Чтений снова обращаться к его трудам, и это обращение всегда обогащает. Возвращением к гамбургскому счету звучат слова выступавших с докладами на Виноградовских чтениях чл.-корр. РАН Т.М. Николаевой (2006²) о том, что в ранних работах Виноградов предстает как гениальный мыслитель³, О.Г. Ревзиной (2011) о том, что «современная теория художественного текста не освоила того смыслового восхождения, которого достиг В.В. Виноградов, что В.В. Виноградов увидел путь, по нему предстоит пройти». Декан филологического факультета и зав. кафедрой русского языка М.Л. Ремнева, открывая Чтения 2005 г., подчеркнула особую роль академика Виноградова в развитии кафедры русского языка, отметила

значимость трудов В.В. Виноградова в формировании новых поколений филологов и сохранении лучших традиций русской филологической науки.

В течение рубежных двенадцати лет существенно преобразуется тематика Чтений. Если первоначально темы формулировались предельно широко, соединяя имя В.В. Виноградова и современную филологию, то в дальнейшем темы приобретают черты определенности, «прицельности», направленности на конкретный объект или идею, которые интересовали в свое время В.В. Виноградова, а сегодня могут стать стимулом для новейших интерпретаций. Темы последних лет таковы: «Авторские стратегии и образ автора» (2008), «Соотношение объекта и теории в лингвистической концепции (уроки В.В. Виноградова)» (2009), «Виноградов и история изучения русского синтаксиса» (2010), «В.В. Виноградов о художественном тексте» (2011).

Ежегодно Виноградовские чтения собирают научную и педагогическую общественность МГУ, РГГУ, Университета им. П. Лумумбы, МГОУ, МГПУ, МГЛУ, ИРЯ РАН, ИЯЗ РАН, ИСЛ РАН, ИЛИ РАН, СПбГУ, университетов Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Тамбова, Тобольска и др. Ежегодно программа Чтений включает от шести до девяти докладов, за двенадцать лет прозвучало около 90 докладов, некоторые из которых никогда не публиковались и упоминание о которых существует только в ежегодных хрониках Чтений в «Вестнике МГУ». Становится понятно, что в прочитанных за это время докладах содержатся идеи, не теряющие своей актуальности, интересные и сегодня.

Настоящая публикация позволяет отдать дань памяти и благодарности тем ученым, кого уже нет: К.В. Горшковой (доклады «О лингвистическом времени», 2000; «Вопросы типологии в истории русского языка»⁴, 2001), И.М. Ёлкиной (доклад «Наименование денежных единиц в старославянском языке», 2000), И.А. Марфуниной (доклад «О связи исторического синтаксиса с диалектным», 2000), Н.В. Черемисиной (доклад «Понятие системности в концепции В.В. Виноградова и некоторые современные ее аспекты», 2001), А.П. Чудакову (доклад «Идеи В.В. Виноградова и изучение поэтики русской литературы», 2003).

⁴ В хроникальных заметках, опубликованных в «Вестнике МГУ» за 2000–2001 гг., краткое сообщение о докладах сопровождается информацией о том, что в ближайшее время они будут изданы полностью. К сожалению, болезнь и уход из жизни К.В. Горшковой не позволили этим планам осуществиться.

² В скобках указан год выступления на Виноградовских чтениях.

³ Это мнение высказал в разговоре с Т.М. Николаевой Вяч. Вс. Иванов.

Важнейшим аспектом программы Виноградовских чтений является интерес к жизни и творчеству самого В.В. Виноградова. Благодаря материалам хроник сегодня особенно ясно осознается близость времен, восстанавливается «времен связующая нить»: К.В. Горшкова, которая возглавляла кафедру русского языка филологического факультета МГУ (1971–1995 гг.), выступала на Чтениях не только с научным докладом, но и с воспоминаниями о В.В. Виноградове. Она рассказала о требовательности В.В. Виноградова в науке, о том, как он работал с аспирантами, как читал спецкурсы и как организовывал заседания кафедры русского языка по принципу «ни одного заседания без научного доклада» (1999). Воспоминаниями об учителе Виноградове делились со слушателями Г.А. Золотова, А.В. Степанов. Несколько докладов были посвящены различным биографическим аспектам. А.Б. Гуськова, по поручению вдовы В.В. Виноградова Н.М. Малышевой работавшая совместно с Г.А. Золотовой над архивом академика, в выступлениях (1999, 2002) познакомила слушателей с новыми материалами по «делу славистов», рассказала о военных 1941–1943 годах, прожитых семьей В.В. Виноградова в Тобольске (см. публикации [Гуськова 1995; Виноградов 1995а; 1995б]). Г.В. Зыкова (2011) познакомила слушателей с мемуарными материалами из архива Д.И. Журавлева, который окончил ту же семинарию, что и В.В. Виноградов, и застал учителей В.В. Виноградова.

Г.А. Золотова в докладе (2006), посвященном виноградовским традициям в современной филологии, говорила, что движение в любой науке обусловлено способностью ученого посмотреть на языковые факты новым взглядом, не дублировать традиционные, общепринятые формулы, исследовать грамматические объекты в тексте. Типы и жанры текстов, их речевое назначение в общественной жизни, способы проявления в них коммуникативных потребностей и межчеловеческих отношений, степень их продуктивности и выразительности, авторские особенности языка, их художественные приемы – вот безграничный простор и неисхоженные тропы для исследования речи. Все эти многообразные и нелегкие задачи мы решаем, когда работаем с материалом из богатейшей отечественной литературы. И подбор примеров, и наблюдения над синонимией лексической и синтаксической, и попытки объяснить работу писателя над рукописью, его поиски, замены слов и т. п. ведут и к более глубокому пониманию текстов, и к развитию исследовательских навыков, и к научному росту. Виктора Владимировича как исследователя отличало то, что объектом изучения для

него был русский язык не в идеализированных схемах и облегченных моделях, а во всем его живом богатстве, в его подлинной реальности, во всем многообразии его форм и проявлений. Наблюдая и изучая речь, речевую деятельность и в лучших образцах художественной литературы, и в разговорной повседневности, В.В. Виноградов вскрывал в речевых произведениях внутриязыковые закономерности их структуры и связи языка с действительностью, с жизнью общества, с историей и культурой народа, показывал взаимообусловленность и взаимодействие разных частей единой языковой системы.

В докладе о развитии виноградовских идей в синтаксисе (2009) Г.А. Золотова отметила, что в исследованиях В.В. Виноградова синтаксические конструкции предстают в новом, функционально-эстетическом качестве, выступают как элементы речевого целого, воплощающего замысел художника. Виноградовская традиция продолжает жить в концепции коммуникативной грамматики, которая соединяет системно-грамматическое и текстовое описание языкового материала. Г.А. Золотова показала, что трудами В.В. Виноградова проложены наиболее плодотворные пути нашей науки. В его классической книге «Русский язык» грамматическое учение раздвинуло свои границы, открывая в языковых средствах тот смысл, ради которого язык и существует. Его углубленная интерпретация грамматических связей позволила выявить минимальную синтаксическую единицу – синтаксему. Исследование языковых явлений в реальной жизни языка показало филологам путь к тексту. Открытие В.В. Виноградовым текстовых функций видо-временных форм глагола подготовило возможности выявления и системных речевых единиц текстовой композиции. Решение этой задачи позже было предложено в концепции коммуникативных регистров речи в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онищенко, Сидорова 1998/2004]; развиваются наблюдения над образом автора, соотношением точек зрения в структуре текста, разрабатываются и другие перспективные проблемы Виноградовской школы.

Доклады, прочитанные в разные годы, при взгляде из сегодняшнего дня объединяются в целостные тематические циклы. Тематические циклы напрямую связаны с научными интересами самого Виноградова, продолжают и развивают те направления, которые когда-то разрабатывал академик Виноградов.

Первый цикл – **историко-научоведческий**, в котором обсуждаются вопросы виноградовской методологии исследований поэтического языка, изучаются

позиции участников лингвистико-идеологических споров 1920-х гг. и более позднего времени.

А.П. Чудаков, ученик В.В. Виноградова и комментатор его научного наследия, в своем докладе (2003) показал различия между подходом В.В. Виноградова и взглядами «русских формалистов»: виноградовская методология исследования поэтического языка опирается на собственно лингвистический анализ текста как целого. Для В.В. Виноградова слово в художественном тексте больше, чем слово общенародного языка, – это символ. А.П. Чудаков подчеркнул значимость вклада В.В. Виноградова в методологию филологической науки: В.В. Виноградов создал терминологию, которая до сих пор используется не только исследователями языка писателя, но и в работах по грамматике и лексике. Докладчик показал, что очень многие «последователи» академика Виноградова сохранили от виноградовской традиции только «формулу названия» работы, но не сохранили ни методологии В.В. Виноградова, ни уровня его обобщений.

С выступлением А.П. Чудакова вступает в диалог доклад О.Г. Ревзиной (2011) «Понятие символа в теории художественного текста В.В. Виноградова». О.Г. Ревзина, опираясь на работы В.В. Виноградова первой трети XX в. («О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума», «О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски)», «О теории литературных стилей», «К построению теории поэтического языка»), в которых были раскрыты характеристики символа как единицы художественного текста и продемонстрирована эффективность символа как единицы филологического анализа, говорила о полемике между В.В. Виноградовым, с одной стороны, и В.М. Жирмунским и Б.В. Томашевским, представлявшими идеологию ОПОЯЗа, – с другой. В новаторской и плодотворной концепции В.В. Виноградова снимается дихотомия «лингвистика – литературоведение». В разработанной В.В. Виноградовым концепции символа обращают на себя внимание три позиции: а) символы – «органические элементы» художественного текста; они не задаются заранее, а извлекаются из текста; б) значение символа обусловлено структурой и «всей композицией» текста, вне которой символ не существует; в) символы могут «морфологически» совпадать с любой единицей языка, но это не тождество, а всего лишь омонимия.

К докладам А.П. Чудакова и О.Г. Ревзиной о символе тематически примыкает доклад Т.М. Николаевой ««Прецедентные ключи» и теория текста» (2009). Применяя идеи

В.В. Виноградова, докладчица показала, что уровень символов в литературном произведении становится понятным при использовании «прецедентных ключей». В одних случаях прецедентные ключи следует искать в античной мифологии, в других – в биографии прецедентных личностей. Т.М. Николаева подробно проанализировала произведения Пушкина и Лермонтова.

В.М. Алпатов в докладе «В.В. Виноградов и круг Бахтина» (2007) представил научно-исторический контекст, в котором создавались работы Виноградова 20–40-х гг., а также охарактеризовал с позиций времени основные направления филологической полемики 20–60-х гг. прошлого века (об этом см. также [Алпатов 2005]). В.М. Алпатов показал, что в работах круга Бахтина 20-х гг. и в более поздних сочинениях М.М. Бахтина чувствуется особое внимание к деятельности Виноградова, в текстах 50-х гг. Виноградов – главный оппонент даже там, где прямо не упоминается. В.М. Алпатов указал на несправедливость отнесения В.В. Виноградова (в книге «Марксизм и философия языка») к последователям Женевской школы: в историю отечественной науки Виноградов вошел прежде всего как хранитель традиционной русской дореволюционной науки. Докладчик привел высказывания Бахтина, из которых очевидно, что, критикуя концепцию В.В. Виноградова, М.М. Бахтин высоко оценивает его лингвистический талант, кругозор, эстетический вкус. В свою очередь В.В. Виноградов, выступая на заседании ВАК, посвященном обсуждению диссертации М.М. Бахтина о Рабле, охарактеризовал диссертанта как человека необыкновенно талантливого, обладающего большой культурой и большими знаниями.

Следующий лингвистический сюжет обусловлен вниманием к категории **образа автора**.

И.М. Широнин (2008), представляя историко-филологический контекст категории образа автора, показал, что это словосочетание от литературоведческого термина (филологического объекта) двигалось к методологическому понятию, а потом – к образному выражению, растиражированному школьными и вступительными сочинениями, а сейчас «образ автора» вновь возвращает свою терминологическую сущность. Докладчик обосновывал идею о том, что понятие образа автора соединило индивидуально-художественное начало с надличностными, культурно-языковыми тенденциями того времени. Поэтому – назад к Виноградову. В докладе (2008) Н.К. Ониненко напомнила слушателям беседу В.В. Виноградова с молодыми сотрудниками Института русского языка,

в которой академик охарактеризовал ситуацию в филологии первой трети XX в. и историю понятия образа автора (см. публикацию В.Д. Левина [Виноградов 1975]). Н.К. Оніпенко сопоставила идеи В.В. Виноградова со взглядами Г.Г. Шпета, с идеями литературоведческого структурализма и с моделью субъектной перспективы, разрабатываемой в рамках концепции коммуникативной грамматики⁵.

В развитии идей В.В. Виноградова понятие образа автора просцируется на другие фигуры в текстовых и грамматических исследованиях. И.И. Бакланова (2008) говорила об «образе адресата» в мемуарах, посвященных Ахматовой. М.Ю. Сидорова (2008) в свете теории образа автора анализировала грамматику русского языка XIX в. и грамматическую полемику в журнальных статьях того времени. Она показала, что понятие образа автора применимо не только к художественному тексту, но и к грамматическим сочинениям, в которых виден «образ грамматиста», который часто создавался намеренно, например, образ грамматиста-консерватора Н.И. Греча. В докладе А.В. Уржи (2002) речь шла о соотношении образа автора и образа переводчика как композиционных категорий художественного переводного текста. А.А. Волков (2011) предложил систему субъектных образов, определяющих структуру риторической прозы: (1) образ ратора в его отношении к речи как соответствие реально сложившегося представления об авторе речи к норме, идеальному образу ратора; (2) образ аудитории (читателя); (3) образ оппонента. А.А. Волков показал, что, кроме этих образов, есть и четвертый – образ предмета речи. В отличие от образа автора, структурного центра художественного текста, образ ратора связан с этическим компонентом, т. е. с нормой поведения, и формируется он в отношении к образам оппонента и аудитории. Т.Б. Радбиль (2008) продемонстрировал возможности применения теории «образа автора» (соединив теорию образа автора с типологией субъектов по Е.В. Падучевой) к нарративным аномалиям у А. Платонова.

Стилистика и риторика, проблема речевых жанров обсуждались в следующем цикле докладов.

В докладе В.И. Аннушкина (2007) рассматривались взгляды академика В.В. Виноградова на предмет филологии в связи с доминантой его творческого метода, которую сам Виноградов определил как «историзм». Докладчик представил историко-культурную

типологию и периодизацию филологических («словесных») наук, имеющих отношение к общественно-языковой практике. Этими дисциплинами являются грамматика, риторика, поэтика, логика, словесность, стилистика, культура речи – с дальнейшим расширением состава наук в XX столетии (функциональная стилистика, психоллингвистика, прагматика, лингвистика текста и др.) и в нынешний период развитого информационного общества (такие «новые» науки, как коммуникативистика, связи с общественностью, имиджелогия и мн. др.). Н.В. Черемисина (2001) говорила о рождении в современном науковедении общей теории систем, представления о системе наук, о межнаучной «трансплантации» идей и о науке-доминанте, в роли которой, по мнению Н.В. Черемисиной, ныне выступает лингвистика⁶. Обратившись к проблемам композиции текста, Н.В. Черемисина добавила к числу известных сильных позиций (заглавие, эпиграф, начало и конец) гармонический центр, «золотое сечение» – в предложении, абзаце, художественном целом. Гармонический центр есть позиция выдвижения важных, заданных автором и воспринимаемых читателем смыслов (о чем свидетельствует переход многих гармонических центров в языковую афористику), что было показано на анализе маленькой трагедии «Моцарт и Сальери».

А.А. Волков, разрабатывающий проблемы истории и теории риторики, в своем докладе (2006) показал, что В.В. Виноградов различал два типа художественности – поэтическую и риторическую. В.В. Виноградов говорил о нелинейном анализе риторической прозы, что в конечном счете связано с такими смысловыми категориями, как символ, образ. А.А. Волков, обсуждая вклад академика В.В. Виноградова в методологию риторической критики (риторической критикой называется филологический анализ произведения с точки зрения его эффективности и влияния), проанализировал работу В.В. Виноградова «Опыт риторического анализа», в которой сопоставляется речь В.Д. Спасовича и критика этой речи Ф.М. Достоевским. В.В. Виноградов заложил основы отечественной риторической критики, его работу отличает, во-первых, сознательный языковедческий подход к предмету и, во-вторых, встроенность в теорию литературного языка и

⁵ Этот доклад послужил началом работы над разделом об эгоцентрических средствах в очередном томе [ПФГ (в печати)].

⁶ Неожиданно эти идеи находят продолжение в современных научных дискуссиях: круглый стол на тему «Остается ли филология “царицей” гуманитарных наук» (прошедший 4 апреля 2011 г. в ВШЭ), полемика на страницах «Нового литературного обозрения», которая стала откликом на статью [Козлов 2011].

теорию литературы, что сохраняет значимость этой работы для современной филологии. Важной особенностью риторического анализа В.В. Виноградова является аналитический разбор риторической формы не по композиции произведения (диспозиции – в риторической терминологии), а по композиционно-речевым формам, представленным в произведении. Обычно анализ риторического произведения в основном ограничивается его элокутивной составляющей. В.В. Виноградов же сосредоточил внимание на лексических средствах создания образа, экспрессивном синтаксисе и фигурах речи.

В.Г. Костомаров (2005) обратился к дискуссии о стилях и стилистике 1960–1961 гг., проследил динамику системы стилей: от теории замкнутых языковых подсистем к идее взаимопроникновения и взаимодействия стилей. С точки зрения докладчика, не может быть одной стилистики на все времена: концепция стилистики меняется в зависимости от форм «языкового существования» общества. Так, в теории стилистики соединяются относительная стабильность системы и ее динамика, подвижность. О том же шла речь в докладе Я.Н. Засурского (2004), который охарактеризовал современное состояние средств массовой информации и показал, что эволюция языковых средств в сфере СМИ – это сложное взаимодействие динамичности, «подвижности» речевых штампов и стабильности символов.

М.Ю. Сидорова (2004) обсуждала критерии идентификации словесно-художественных объектов – проблему, которую можно решать, применяя методологические идеи В.В. Виноградова. Интегрирующий подход В.В. Виноградова, соединявшего индуктивность и дедуктивность, лингвистику и литературоведение, грамматику и стилистику, М.Ю. Сидорова сопоставила с теориями генеративистов, для которых существовало «неразрешимое противоречие» между простой регистрацией объектов и «чистой» грамматической теорией. Проблема разграничения художественных и нехудожественных текстов стала актуальной в связи с развитием современной интернет-культуры. Рассматривая бытование одних и тех же текстов на разных интернет-сайтах, докладчик обосновала гетерогенную сущность художественности: по мнению М.Ю. Сидоровой, квалификация текста как художественного – это результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов. А.Р. Балаян (1999) сопоставил теоретические принципы изучения диалога, разработанные В.В. Виноградовым, и методы современного дискурсного анализа диалогической речи. Докладчик высказал предположение, что сама

философия языка В.В. Виноградова говорит о необходимости расширить представления о языковой форме.

А.В. Степанов (2005), слушавший в 60-е годы XX в. спецкурсы В.В. Виноградова, сообщил о том, что академик Виноградов заявил на 1969–1970 учебный год спецкурс (к сожалению, не состоявшийся) с названием «Стиль русской новеллы 40-х – 70-х гг. XIX века». В русле этой идеи А.В. Степанов обратился к рассказам «Чертопханов и Недоплюскин» (1849 г.) и «Конец Чертопханова» (1872 г.) из цикла «Записки охотника». Новеллы объединены одним героем, но разделены временем написания. Этот факт стал в докладе основным для интерпретации этих текстов и для выбора термина: виноградовский термин «стиль» был заменен термином «дискурс». В системе стилистических взглядов В.В. Виноградова, в центре которой был «образ автора», актуальными были понятия «речевая характеристика героя», «субъектно-речевой план», «субъектная сфера героя». Термин «дискурс» в докладе меняет исследовательский акцент: с речевой характеристики героя на раскрытие его внутреннего мира, психологии героя. Проанализировав текст новеллы, докладчик показал, что в стилистике героя произошли существенные изменения: от просторечия и охотничьего жаргона, от поэтики сентиментализма («читай историю несчастий рода человеческого») – к романтическому стилю, с его напряженным борением страстей.

В докладе О.Н. Григорьевой (2001) был рассмотрен стилистический контраст как результат особой формы взаимодействия предложений и слов в художественном тексте; стилистический контраст порождает семантическую противоречивость текста (см. произведения Чехова, Булгакова, Ильфа и Петрова, Токаревой). Отношения несоответствия между различными стилистическими значениями приводят к отрицательной субъективно-оценочной модальности, к семантическим деформациям. Семантический парадокс может получить двоякое разрешение: гармонизация противоречия либо подчеркивание противоречия. Оба случая разрешения конфликта находим в творчестве Тургенева.

Историко-лингвистический цикл представлен в таких аспектах: история языковой рефлексии, отраженная в грамматиках и словарях, соотношение книжного и простого языка, грамматики, текста и религиозного типа мышления в языке до XVIII в.

В докладе о простом языке Псалтырей XVI–XVII вв. Н.Н. Запольская (2000) показала, что освоение литературного языка как особой среды, объемлющей человека, осуществляется

двумя способами – мнемоническим и рефлексивным. Стремление сохранить «правильность» слова Бога мотивировало специфику рефлексии над языком императивных текстов. Легализация концепции «доступности» слова Бога, свидетельствующая о переходе от теоцентрической культуры к антропоцентрической, обусловила перевод библейских текстов на простые языки. В результате – элиминация греческого языка, определявшего предшествующую церковнославянскую языковую традицию. В докладе Н.Н. Запольская (2002) говорила о проблеме текста и метатекста в конфессиональной культуре. В основе христианской культуры лежит императивно понимаемый текст Библии. Его освоение осуществлялось не только мнемонически, но и операциональным способом, что предполагало фиксацию и трансляцию христианских смыслов посредством толкования в грамматиках и словарях, в результате соединения конфессиональных и общеязыковых смыслов. Понятно, что грамматики и словари были не нормативными, а экзегетическими, например грамматики М. Смотрицкого и Ю. Крижанича, созданные как филологический комментарий к Острожской Библии 1580 г. Соотношение конфессионального и общеязыкового в грамматиках и словарях XVI–XVII вв. рассматривалось в докладе на материале имен собственных. Н.Н. Запольская проследила степень присутствия и выбор имен собственных в старых и новых грамматиках (от Иисуса и Анны до Ивана и Петра) и доказала, что выбор имен собственных (а не нарицательных) для построения морфологических парадигм в грамматиках XVI–XVII вв. подтверждает экзегетический (метатекстовый) характер этих грамматик. В докладе Н.Н. Запольской (2007) были рассмотрены славянские лингвистические сочинения, в которых нашла отражение филологическая рефлексия грамматистов XVI–XVII вв. Анализ филологической рефлексии, направленной на «раскрытие» смысла базовых христианских словесных формул позволил выявить такие стратегии лингвистического описания, как (1) снятие лексической и грамматической омонимии и синонимии; (2) выявление в языковых единицах, являющихся ценностными культурными ориентирами, не только собственно языковой семантики, но и идиосемантики, мотивированной типом культуры; (3) характеристика языковых единиц в конкретных текстовых условиях, учитывающих ситуативные и жанровые установки.

В.В. Калугин в серии докладов предложил лингво-текстологический анализ памятников книжной письменности. В докладе «Симеон Метафраст в переводе князя Андрея Курбско-

го» (2000) представлены результаты комплексного анализа свода Курбского (свод является собранием житийной и церковно-учительской литературы и сохранился в списке рубежа 70–80 гг. XVI в.). В докладе «Книга Св. Августина в русской письменности XVI–XIX вв.» (2002) В.В. Калугин представил свою версию судьбы одного текста в истории русской письменности, а именно «Книги Св. Августина», известной по списку конца XVII в. Список был изготовлен Ефимием Чудовским около 1692 г. В списке Ефимия Чудовского В.В. Калугин обнаружил две русские вставки, одна из которых, по мнению исследователя, принадлежит князю А.М. Курбскому (установлено на основании источниковедческого и текстологического анализа) и направлена против иосифлян. Эта находка позволила утверждать, что Чудовский список восходит к рукописи «Книги Св. Августина», сохраненной князем А.М. Курбским в литовской эмиграции. Лингвистический анализ позволил установить, что Чудовский список «Книги Св. Августина» и списки ее отдельных частей (в частности, «Боговидная любовь») восходят к югозападно-русскому протографу. Докладчик выдвинул предположение, что архетипом, к которому восходил список А.М. Курбского, являлся перевод «Книги Св. Августина», сделанный Дмитрием Герасимовым в 1518–1524 гг. Обширные разыскания и исследования текстов дали возможность взглянуть по-новому и на сочинение «Боговидная любовь», приписываемое Кариону Истоминому. В.В. Калугин доказал, что книга «Боговидная любовь» представляет собой переработанную 1-ю часть «Книги Св. Августина» «О видении Христа». В докладе «Русская пародия конца XVI века на церковнославянский текст (на Иерусалимский устав)» В.В. Калугин (2006) рассматривал позднейшую приписку в «Пандектах» Никона Черногорца (памятник конца XIV в.). Эта приписка содержит шутку на церковнославянском языке и представляет собой пародию, стилизованную под Марковы главы в богослужебной части Иерусалимского церковного устава. Запись в «Пандектах» сохранила отголосок смешовой монашеской культуры, существовавшей в Чудовом монастыре Московского Кремля (в домово-обители русских митрополитов и патриархов): по содержанию это нелепые календарные указания на Великий пост в високосный год. Шуточная запись вступает в явное противоречие с одним из постулатов теории диалогизации, утверждающим невозможность пародии на книжном языке. Существование этого старейшего пародийного текста позволяет считать, что еще до «переходного» XVII в. в кругу людей, пачитанных в церковно-богослужебной литературе, существовал фольклор духовного

сословия, что русские книжники и до XVII в. умели не только молиться, но и веселиться по-церковнославянски. Еще одним текстом, который анализировался В.В. Калугиным в докладе (2008), было «Житие Трифона Печенгского» (конец XVII в. – начало XVIII в.), существующее в трех редакциях. Сравнение редакций и списков памятника показало, что агиограф (составитель жития), будучи знаком со строгой книжной нормой, включил в свой текст монастырские записки со всеми их грамматическими ошибками, но при этом он усовершенствовал текст источника композиционно и риторически в соответствии с агиографическим канонem.

И.А. Марфунина (2000) затронула серьезную проблему в историческом синтаксисе – недостаточное внимание к диалектному материалу в первой половине XX в., что отчасти было продиктовано объективными причинами: специалисты были ограничены вопросами программы собирания сведений для «Диалектологического атласа», которая в малой степени была ориентирована на явления синтаксиса. Появление в конце XX в. содержательных исследований диалектов открывает новые перспективы использования материалов диалектного синтаксиса для объяснения конкретных явлений синтаксиса исторического.

В.С. Савельев (2009) рассмотрел одну из особенностей оформления прямой речи в летописи: часто реплики персонажей вводятся в текст с помощью двух глаголов, один из которых используется в личной форме, а другой – в форме причастия.

Особое место в истории Чтений занимает **творчество А.С. Пушкина**: это касается не только юбилейных Чтений 1999 г., но и научной идеологии Чтений в целом.

В.И. Руделев (1999) показал, что А.С. Пушкин был главным и самым ярким героем виноградовского творчества, что творческая личность Виноградова развивалась во взаимодействии с творческой языковой личностью Пушкина и важнейшие идеи Виноградова родились «под воздействием» Пушкина. В докладе нашли развитие идеи Виноградова о неприменимости «к образам персонажей “Евгения Онегина” принципов реалистического стиля, которые были связаны с изображением характеров в русской реалистической поэтике, начиная с 40–50 гг. XIX века», а также о том, что и рассказчики, и персонажи в текстах Пушкина – это маски самого автора.

В этом цикле представлены доклады, посвященные исследованию черновигов и незавершенных произведений Пушкина. В докладе А.А. Илюшина (1999) рассматривались «концовки» двух незавершенных пушкинских

стихотворений. Первое – к 25-летнему юбилею Лицея (1836 г.), обрывающееся на полустихе: «И над землей сошлись новы тучи, /И ураган их...». Докладчик предложил варианты завершающего строку чтения: «снова разогнал» или «новый разогнал» – и привел аргументы в пользу именно этих вариантов, а также соображения относительно того, что данное стихотворение предполагалось написать в 19 строфах (как и стихотворение «19 октября» 1825 г.). Еще один опыт конъектуры был предложен А.А. Илюшиным к наброску «Увы, язык любви болтливый...» (1829 г.), в котором пропущена (заменена точками) третья строка от конца. В докладе было высказано предположение, что она должна читаться как «Иль непристойную хулу...» – при незначительной корректировке ближайшего контекста. Г.В. Зыкова (1999) обосновала цитатную природу некоторых пушкинских выражений и конструкций, связанных с «прозаическим», «естественно-небрежным» началом в его поэзии. Автор доклада соотнесла строфу из «Евгения Онегина» «Он мыслит: “Буду ей спаситель...”» и заметки «О русской прозе» с «Душенькой» Богдановича; «блистающее копыто» из «Осени» – с материалами о метафорах в «Кратком руководстве к красноречию Ломоносова». В докладе А.А. Смирнова (2005) обсуждалась общая теория изучения лирики XIX в., разработанная Виноградовым, особенности его подхода к изучению «образно-идеологического фона» поэтических текстов Пушкина. Особое внимание было обращено на связи виноградовской теории поэтической речи и филологических работ Фосслера и Шпитцера. Развивая идеи В.В. Виноградова, А.А. Смирнов проанализировал эволюцию черновых вариантов стихотворения Пушкина «Аквилон» и показал стилистическое движение от басенной формы к лирическому тексту. В докладе А.А. Смирнов (2006) проследил историю движения поэтической мысли Пушкина от черновых вариантов стихотворения до его итогового (белового) текста, показал творческую продуктивность пушкинского поэтического языка, потенциальная бесконечность которого может быть неоднократно продемонстрирована примерами работы поэта над черновиками, каждый из которых предстает как поэтическое целое. В докладе отстаивалась мысль, что лирический дискурс Пушкина подчиняется как общим законам художественной выразительности, свойственной романтикам, так и индивидуальным принципам построения текста, продиктованным задачами «означивания» поэтических мыслей и чувств.

Еще одним аспектом анализа пушкинских текстов является толкование известных, хрестоматийных строк. А.А. Илюшин (2006)

рассмотрел V-ю строфу VIII-й главы «Евгения Онегина». В.В. Виноградов считал, что в строках «И позабыла речь богов / Для скудных, странных языков» имеется в виду «неукрашенный стиль русского просторечия». А.А. Илюшин, признавая возможность такого толкования, предложил видеть в данной строке такой смысл: «для языков российских инородцев», с которыми поэт общался в Бессарабии, на Кавказе, в Болдине, о которых размышлял над страницами исследований С.П. Крашенинникова («Описание земли Камчатки»; в Словарь языка Пушкина 1956-1961 гг. не включена освоенная им крашенинниковская лексика – названия народностей Дальнего Востока России). Н.К. Онипенко (2009), рассматривая семантику указательного местоимения *эта* и заместительный союз *не... но*, предложила толкование XXVII-й строфы VIII-й главы «Евгения Онегина» и обосновывала мнение, согласно которому фрагмент *не этой девочкой несмелой, но равнодушною княгиней...* является «жестом пренебрежения», а двухместный союз *не... но* предъясняет шкалу ценностей. Рассматриваемое сочетание с указательным местоимением *этой* оказывается встроенным в ряд: «та самая Татьяна» – «та девочка» – «эта девочка» – («эта милая княгиня») – «сия законодательница зал». В этом ряду первые два употребления безоценочные, моделирующие воспоминание, отражающие дистанцию во времени, в этот же ряд могло бы встать сочетание из первоначального варианта, если бы не пошло под действие союза *не... но*; два оставшихся – оценочные, демонстрирующие своеобразную карьеру Татьяны в глазах света: от никому не интересной и не нужной девочки до великолепной светской дамы (Татьяна уравнена с «блестящей Ниной Воронскою», по отношению к обеим употребляется местоимение *сия*). Н.К. Онипенко указала на двойное воздействие, под которым находится слово и предложение в тексте: это закон семантического согласования внутри предложения и закон многократного повтора и отражения, своеобразного эха в пушкинском тексте.

Проблема отношения прозы и поэзии в творчестве Пушкина рассматривалась в докладе Г.Н. Ивановой-Лукьяновой (2002), которая проанализировала два пушкинских описания осени: из стихотворения «Осень» (1833 г.) и из «Станционного смотрителя» (1830 г.). Тонкий стилистический анализ позволил исследователю показать общее и различное в ритме, интонации и семантике этих текстов. Фрагмент из «Станционного смотрителя» был представлен как своеобразный «прозаический подстрочник» стихотворного описания осени. Сопоставив семантический

и интонационно-ритмический планы организации текстов, Г.Н. Иванова-Лукьянова обнаружила общий языковой механизм гармонии этих пушкинских текстов, который состоит в том, что семантическая и интонационно-ритмическая организации «работают в разном режиме, разном направлении»: в стихотворном тексте семантика выражает внутреннее противоборство, несогласованность, противоречие, а интонация характеризуется монотонностью; в прозаическом фрагменте, наоборот, монотонна (точнее, монотемна) семантика, а интонация строится по принципу контраста.

Особое внимание участники Чтений уделяли повести «Пиковая дама». Для В.В. Виноградова «Пиковая дама» стала текстом-ключом не только к эпохе и поэтике Пушкина, но и к грамматике глагола, к синтаксису конструкций, к образу автора. В докладе О.Е. Фроловой (2006) было показано, каким образом карточная терминология формировала во времена Пушкина смысл повести. Докладчица выделила четыре случая семантической неоднозначности (символичности) в художественном тексте: (1) конвенциональная символика в эпиграфе к повести, не связанная с языком, но отраженная в нем: *Пиковая дама означает тайную недоброжелательность*. (2) семантическая неоднозначность слова, функционирование которого еще не установилось в языке: название повести *Пиковая дама* (в узусе конца XVIII - начала XIX в. функционировали иные номинации, и данную карту следовало бы назвать *винновое короля*). В контексте неустановившегося употребления название повести воспринимается как соединение живого *дама* и неживого *пиковая*). (3) Приращение смысла в тексте, мотивированное специальной лексикой – карточными терминами: *руте*, *пароли*, *мирандоль* воспринимаются как стратегии риска, а *атанде* – как последний шанс Германа положить верную карту. (4) Появление новых смыслов в результате функционирования текста во времени – на примере глагола *убить* в шестой главе повести в контексте *Дама ваша убита* (данный глагол воспринимался как термин картежников и в пушкинское время в значительной мере был лишен современной образности). Особенности современного прочтения «Пиковой дамы» посвятила свой доклад М.Ю. Сидорова (1999), рассмотревшая способы преобразования повествовательного текста в драматургический, способы перевоплощения пушкинского слова в сценический полилог в спектакле П.Н. Фоменко.

Одним из самых перспективных направлений, развивающих методологию В.В. Виноградова, является изучение языковых средств в рамках текстового подхода (в связи с автор-

скими тактиками и стратегиями). Это объяснительно-интерпретационное направление в грамматике не лишено полемического пафоса по отношению к современным вербоцентрическим концепциям: сущность аргументации сторонников этой методологии в том, что факт и реальный текст значимее, чем языковая компетенция исследователя или лингвистическая модель; текст предоставляет исследователю возможность увидеть языковую единицу во всей ее полноте. И в этом состоит «лингвистический реализм», как было названо виноградовское направление в лингвистике в одном из докладов Н.К. Онипенко.

В докладе Н.К. О н и п е н к о (2003) объектом внимания была синтаксема *перед* + *Твор.п.* существительных (и местоимений) личных и тексты (А.С. Пушкина и А. Бслого), в которых эта синтаксема выражает наблюдателя. Докладчица показала, что соединение предлога *перед* с *Твор.п.* личных существительных в значении 'перед лицом, глазами кого' нельзя рассматривать как частный случай признака «фасадности», или «тривиального наблюдателя» (как у Ю.Д. Апресяна). В отличие от синтаксем предметных, неличных имен, для которых важным является признак «фасадности», синтаксемы имен личных являются средством обнаружения наблюдательного пункта рассказчика. Данные исторического синтаксиса показывают, что синтаксемы *перед* + *Твор.п.* личных существительных соотносимы с формами *перед* + *Вин.п.*, которые толковались как «поставить, предстать пред чьим-л. взором». Анализ художественных текстов позволяет увидеть текстовые функции форм *перед* + *Твор.п.* личных местоимений: они употребляются во фрагментах репродуктивного регистра речи (в рамках которого вербализуется перцептивный модус), на границе между повествовательной и описательной частями. В художественном нарративе *перед* + *Твор.п.* личного местоимения является средством обнаружения внутритекстовой точки зрения рассказчика: элементы художественного пространства описываются с точки зрения героя (в докладе с точки зрения героев «Евгения Онегина»); более подробно см. в «Коммуникативной грамматике русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998/2004].

Н.М. Д е в я т о в а (2008) соединила синтаксис сравнительных конструкций и проблему образа автора, в частности, соотносила проблему выбора сравнительного союза с типологией модусов.

Текстовый подход к одной из самых интригующих категорий русского глагола – к залогу – был осуществлен в двух докладах. В.С. С а в е л ь е в (2002) обратился к анализу

залоговых соответствий в греческом и церковнославянском тексте и опроверг общепринятую точку зрения о заимствованном характере церковнославянского синтаксиса. На примере залоговых соответствий в двух переводах (Книги Законные и Закон Городской) одного греческого текста (Византийского Прохирона) докладчик показал, что при переводе книжники ориентировались на норму, свойственную славянскому, а не греческому синтаксису, поскольку церковнославянская конструкция формально повторяла греческую только тогда, когда она не противоречила семантическому строю церковнославянского языка. Если же в тексте существовали серьезные семантические различия, то книжник выбирал модель собственно церковнославянскую, отличную от греческой. В докладе Е.Н. Н и к и т и н о й (2006) залог исследовался на художественных текстах XIX–XX вв. (Толстой, Андрей Белый). Категория залога рассматривалась с позиций грамматики объяснительной: в связи с позицией субъекта сознания по отношению к действию (инклюзивной либо эксклюзивной), в связи с типом модуса (перцептивный / ментальный), в связи с динамикой / статикой наблюдательного пункта. В докладе обосновывалась идея о том, что для современной грамматики сугубо парадигматический подход уже недостаточен, что категория залога соединяет семантику глагольной основы, типовое значение предложения и текст.

В докладе М.Ю. С и д о р о в о й (2011) в центре внимания оказалась категория времени, которая рассматривалась в связи с виноградовской идеей художественного произведения как модусно-диктумного единства. Применение к фрагментам из классических текстов Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина методики функционально-грамматического анализа позволяет сделать вывод, что движение сюжета – это не только смена событий во времени, но и смена восприятий, а также подтверждает релевантность оппозиции «акциональное – перцептивное – рефлексивное» сознание персонажа для построения системы образов и раскрытия смысла сюжета художественного текста.

Предметом особого внимания В.В. Виноградова была **история изучения синтаксиса** (см. статьи В.В. Виноградова о синтаксистах первой трети XX в. и монографию «Из истории изучения русского синтаксиса», которая выросла из университетского спецкурса), представленная очередным циклом докладов. В.С. Х р а к о в с к и й (2010) на конкретных примерах показал, что многие интересные идеи в русской грамматике XIX в. оказались востребованными и актуальными в западной лингвистике XX в. Г.А. З о л о т о в а (2005) проанализировала ста-

тии В.В. Виноградова о синтаксических взглядах А.А. Шахматова и А.М. Пешковского и показала, что высказанные в этих работах идеи сохраняют свою актуальность для современной синтаксической науки. В.В. Виноградов разграничил словосочетание и предложение как единицы номинативную и коммуникативную, уточнил понятие словосочетания, различив присловные и неprisловные связи. Не умаляя заслуг А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, В.В. Виноградов намечал новые пути исследования разных типов русского предложения. Во введении к синтаксическому тому Академической грамматики 1954–1960 гг. В.В. Виноградов предложил свою синтаксическую теорию, которая не была (и не могла быть) тогда полностью реализована. В рамках грамматики описательной синтаксис признавал приоритет морфологической формы, что отразилось как в теории предложения, так и в теории словосочетания. Ни семантический, ни функциональный (стилистический, текстовый) подходы не могли найти применения в грамматике того времени. И.А. Лекант в докладе «В.В. Виноградов о А.А. Шахматове» (2010) рассмотрел положения синтаксической концепции В.В. Виноградова (в частности, теорию предикативности), основой которых явились идеи академика Шахматова. Докладчик прокомментировал виноградовскую статью «Синтаксис русского языка» академика А.А. Шахматова и показал, что Виноградов, в целом высоко оценивая вклад А.А. Шахматова в развитие русской синтаксической науки, видел не только сильные, но и слабые стороны синтаксической концепции Шахматова. И.А. Лекант проследил преемственность синтаксических идей – от Шахматова к Виноградову и к современной вузовской науке: шахматовская классификация русских предложений, основанная на противопоставлении двусоставности / односоставности, получила распространение именно благодаря авторитету Виноградова. При этом докладчик отметил, что эта классификация, по мнению В.В. Виноградова, недостаточно последовательно освобождает теорию предложения от «ярма глагольности». С.А. Крылов в докладе «О книге В.В. Виноградова “Из истории изучения русского синтаксиса”» (2010) отметил, что научные идеологии, существовавшие в XVIII–XIX вв., получили терминологическое обозначение в рамках периодизации русской синтаксической науки, предложенной В.В. Виноградовым. Докладчик показал, что если в XIX в. имела место смена научных парадигм, то сегодня различные научные парадигмы и идеологии сосуществуют. С.А. Крылов выдвинул идею, что книга В.В. Виноградова должна рассматриваться как реплика в научном диало-

ге, реплика против монополии одного научного направления, как активное действие в борьбе с догматизмом.

Несколько докладов в рамках системно-грамматического подхода были обращены к синтаксической проблематике.

Н.К. Онипенко (2001) интерпретировала триаду *свободный, синтаксически обусловленный, фразеологически связанный* (разработанную В.В. Виноградовым для классификации лексических значений) как три степени зависимости единицы от контекста, показала, что эта триада продуктивно использовалась не только в лексикологии и лексикографии, но и в синтаксисе (типология синтаксем по Г.А. Золотовой). Н.К. Онипенко распространила идею трех степеней зависимости единицы от контекста на модели предложений и проследила, как функциональные возможности модели связаны с ее местом (статусом – базовая модель, грамматический вариант, структурно-семантическая модификация, экспрессивная модификация, синтаксический синоним, полипредикативная конструкция) в полевой структуре (центр-периферия).

В докладе Н.К. Онипенко (2006) проанализировала конструкции *(не) видно (виден/видна/видны) + род./вин. и им.* (в текстах Гоголя и Булгакова) и показала, что предлагавшиеся ранее основания выбора *им./род., вин./род. п.* (например, определенность / неопределенность, конкретность / абстрактность имени и др.) не противоречат друг другу и с точки зрения текста могут быть подведены под более высокую закономерность – наличие в смысле предложения субъекта сознания. Родительный падеж маркирует близость субъекта сознания к субъекту диктума, а претендентом на роль субъекта сознания в художественном тексте становится автор либо герой. Для интерпретации родительного падежа при отрицании в изолированном предложении (например, *Ивана не было в Лондоне*) применяется теория валентности, тем самым она распространяется за пределы пропозиции (диктума) на модус. При таком подходе происходит механическое наложение шкалы индивидуности (Я, мне подобные, вещи, пространство) на иерархию падежей: при анализе предложения родительный падеж рассматривается как результат понижения субъекта диктума в ранге, потому что именительному падежу принадлежит Я наблюдателя (не названному в предложении). Наличие в предложении *Ивана не было в Лондоне* родительного падежа объясняется вытеснением за кадр именительного падежа наблюдателя. Полемизуя с теорией валентности, Н.К. Онипенко показала, что модусный субъект (наблюдатель) выражается не именительным, а дательным па-

дежом: *Ивана не было видно на собрании*, что заставляет задуматься о том, плодотворна ли сама идея иерархии падежей применительно к синтаксису.

Я.Г. Тестелец выступил с докладом «Нулевые синтаксические единицы и эллиптические “пробелы”» (2010), в котором рассмотрел понятие «синтаксического нуля» в односоставных предложениях и в полупредикативных оборотах. Докладчик отметил, что в основополагающих работах Балли, Пешковского, Якобсона понятие нулевой синтаксической единицы опирается на те же предположения, что и идея нулевых окончаний (допустим, родительного падежа множественного числа) в морфологии. Ненулевые, фонетически выраженные единицы в грамматике – это *факты*, которые исследователь не может игнорировать. Нулевые единицы – это всего лишь *гипотезы* (инструмент лингвистического анализа), хотя часто очень удобные, и исследователь всегда может принять или отвергнуть идею о грамматическом нуле. Коснувшись вопросов теории и практики выделения нулевых единиц в грамматике, докладчик попытался ответить на вопрос, который когда-то поставил перед собой Роман Якобсон: «Есть ли у нулевых единиц нечто общее, кроме отсутствия означаемого?» Я.Г. Тестелец увидел это общее в местоименной сущности синтаксических нулей – не только читаемых парадигматически (Олюди и Остихии; О2ед), но и синтагматически (то, что принято относить к эллипсису).

В докладе М.Я. Дымарского (2010) была предпринята попытка отыскать основания для последовательной типологизации связей в синтаксисе. В качестве первого основания в докладе использовался известный тезис о необходимости разграничивать в синтаксисе связи и отношения. Сочинение и подчинение трактовались М.Я. Дымарским прежде всего как отношения. Предикативное отношение также может быть реализовано предикативной связью (в так называемой координированной предикативной группе), но может обслуживаться и связью простого соположения, не имеющей с искусом ничего общего, кроме собственно соположения компонентов на синтагматической оси. Второе основание – отказ от презумпции жесткой закрепленности определенных типов связи за определенными типами отношений. Третье основание – интерпретация синтаксической связи как способа актуализации синтаксического отношения. При таком подходе основа искомой типологии предстает как привативная оппозиция а) простого соположения (коннекция) и б) связи, предполагающей некоторые изменения в структуре соединяемых элементов или по-

явление скрепы (иннекция). Маркированным членом этой оппозиции является иннекция. Внутри последней в свою очередь различаются связи без лексикализованного коннектора и связи с таковым.

В ряде синтаксических докладов обсуждались единицы докоммуникативного и коммуникативного уровня, соотношение коммуникативности и предикативности. М.В. Всеволодова (2003) рассмотрела с позиций функционально-коммуникативной грамматики одну из синтаксических единиц – словосочетание – и пришла к выводу о том, что на коммуникативном уровне (в условиях конкретного высказывания) словосочетание перестает быть только номинативной синтаксической единицей. Оно может включаться в структуру предикации, что выражается интонационным выделением одного из компонентов словосочетания. Основу словосочетания как синтаксической единицы составляют отношения грамматические, а не лексико-семантические; это означает, что в словосочетании могут соединяться слова разных семантических типов – и семантически недостаточные (слова релятивной семантики), и семантически достаточные (абсолютивной семантики). Узкое понимание словосочетания (только как единицы докоммуникативного уровня, как распространенной синтаксемы) не позволяет интерпретировать предложения, в которых зависимый компонент словосочетания включается в выражение отношений предикации. Парадигматический подход к русскому предложению убеждает в том, что интонация и порядок слов повышают коммуникативный статус даже присловных компонентов словосочетания. Это означает, что в условиях конкретного высказывания словосочетание становится полифункциональным. В докладе М.Я. Дымарского (2004) было предложено осмысление коммуникативности как конституирующего признака высказывания. Опираясь на материал «коммуникативных несудач», докладчик показал, что правильные и адекватные целям говорящего высказывания могут не достигать цели только потому, что адресату неясна соотнесенность содержания высказывания с базовыми компонентами речевого акта (адресантом, адресатом, актуальным временем-пространством, предметом разговора и др.). Коммуникативность, считает М.Я. Дымарский, обеспечивается «презумпцией отнесенности», лежащей в основе человеческого общения. Предикативность понималась докладчиком как «явленная коммуникативность», получающая выражение в грамматических средствах времени, модальности и лица. И.В. Галактионова (2010) сопоставила взгляды академика

Виноградова на управление и точки зрения его учениц – В.А. Белошапковой, Г.А. Золотовой и Н.Ю. Шведовой. В докладе было показано, какое развитие в этих концепциях получили идеи, высказанные или поддержанные В.В. Виноградовым, и в какой степени ученицы следовали за учителем, а в какой – отталкивались от его точки зрения. Докладчица отметила, что В.А. Белошапкова предложила признаки, позволяющие характеризовать синтаксические связи как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения (простого и сложного). Г.А. Золотова значительно сузила понятие управления и соотнесла его с разграничением слов абсолютной и релятивной семантики. При этом она разграничила синтаксические отношения докоммуникативного и коммуникативного уровней. Н.Ю. Шведова выделила из сферы слабого управления именное (позже надежное) примыкание.

Подход к языковым явлениям «от категории» предложен П.А. Лекантом, которого интересовало соотношение в высказывании эмоционального и рационального (доклады 2003 и 2004). Грамматический строй предложения универсален: оформляет мысль, волю, чувства. Рациональное и эмоциональное в высказывании соединяются, переплетаются. Сфера эмоционального находится в непосредственной близости к категории модальности, что делает логичным применение виноградовской методологии в описании языковых средств выражения эмоциональности. П.А. Лекант предложил разграничивать четыре класса экспрессивно-эмоциональных значений: (1) эмоциональная окраска предложения (междометия и «восклицательное предложение»), (2) эмоциональное отношение (представленное вводными словами типа *к сожалению*, *к счастью*), (3) эмоциональная оценка (предикативные наречия в предложениях с инфинитивным подлежащим), (4) эмоциональное состояние (предикативные наречия, выражающие эмоциональное состояние человека в предложениях с дат.п. субъекта, глаголы, прилагательные). Если первый класс включает в себя средства (интонационные и лексические) обнаружения эмоционального состояния говорящего и дальше других «отстоит» от сферы рационального, то 2, 3 и 4-й классы представляют эмоцию дескриптивно, а значит, сближаются с рациональным содержанием высказывания. Особое внимание докладчик уделил виноградовской традиции представления междометий как средств «экспрессивно-драматического выражения эмоций» (определение В.В. Виноградова).

Очередной цикл составляют доклады, объединенные интересом к **морфологической проблематике**. Они посвящены, с одной

стороны, проблемам классификации частей речи, с другой – частным морфологическим категориям. Эти доклады опираются на классическую книгу В.В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», вступая с ней в своеобразный диалог. В докладе Е.В. Клобукова (2007) центральной темой стала интерпретация новаторской для своего времени грамматической классификации слов, предложенной Виноградовым. Его классификация, отличающаяся целым рядом признаков: (1) иерархичностью, (2) категориальностью (на всех уровнях – от самых общих, частеречных, до частных категориальных классов слов и словоформ в рамках той или иной части речи), (3) широким, выходящим за рамки флексии, пониманием формальных морфологических средств, различающих морфологические классы слов, – явилась мощным стимулом для дальнейшей разработки данной проблематики в трудах Г.А. Золотовой, М.В. Панова, А.Н. Тихонова, Н.Ю. Шведовой и других выдающихся грамматистов современности.

Проблема разграничения частей речи связывалась с различением категориальной и функциональной природы разных классов слов. Так, Е.Ф. Киров (2007), показав плодотворность развиваемой В.В. Виноградовым идеи о гибридных частях речи, предложил считать систему частей речи (без учета «частиц речи» в терминологии В.В. Виноградова) русского языка гетерогенной, состоящей из (1) автосемантов (основных частей речи), (2) гибридов (смешанных частей речи), (3) дейктивов (местоименных частей речи). Объекты, неоднократно привлекавшие внимание докладчиков на Чтениях, – предикатив (категория состояния), деепричастие, причастие. П.А. Лекант (2006) говорил о функциональной природе и дифференциальных признаках предикатива, который он относит к разряду «смешанных» частей речи⁷. Деепричастие, по мнению П.А. Леканта (2007), принадлежит системе глагола как особая семантико-синтаксическая категория (имеющая видовые флексии (-а, -в, -вши), залоговые формы, соотнесенная с категорией времени и категорией лица, которые прочитываются через связь с основным сказуемым), в отличие от полного причастия, которое тяготеет к прилагательному.

Система форм глагола рассматривалась в докладе Е.В. Клобукова (2005), который предложил делить предикативные формы глагола на четыре подтипа в соответствии с взаимопересечением двух пар признаков: спря-

⁷ См. также доклад А.В. Циммерлинга (2010) о предикативах в цикле «Грамматическая типология и компаративистика».

гаемости / неспрягаемости, личности / безличности. Аналитическими глаголами в докладе были названы такие предикативные лексемы, которые выражают свои предикативные значения средствами синтаксического контекста. К классу аналитических глаголов Е.В. Клобуков отнес, во-первых, лексемы типа *толк, прыг, шмыг* и, во-вторых, *суждено, можно, нельзя*. Последний тип форм квалифицировался докладчиком как аналитические безличные глаголы.

Ф.И. Панков (2010) прочел доклад «Семантика и синтаксис русских наречий». Наречие, не имеющее морфологической парадигмы, обладает тремя другими парадигмами: позиционной, контекстуальной и актуализационной, каждая из которых может быть как полной, так и дефектной. Докладчик разделил наречные синтаксемы по их синтаксическим возможностям на три класса: свободные, обусловленные и связанные (по Г.А. Золотовой). Наречия формируют собственные категориальные системы значений. Особое внимание было уделено темпоральным наречиям. Как лексические средства выражения времени в рамках функционально-семантического поля темпоральности, имеющего полицентрическую устроенность, наречия формируют ядро своего сегмента, составляющего органичное единство с категориями, формируемыми другими языковыми средствами разных уровней: глагольной, субстантивной, адъективной темпоральностью, сложным предложением, реляторами и др.

«Частицы речи» (по В.В. Виноградову) были представлены в докладе Е.Б. Степановой (1999) усилительной частицей *уж*; материалом исследования послужили предложения из пушкинских текстов, в которых частица *уж* сочетается с частицами *не* и *ли*, в семантике самой частицы *уж* выделены два компонента: (1) указание на несоответствие ожидаемого и действительного и (2) указание на внешнюю (контекстуальную) обусловленность высказывания.

В докладах Т.В. Шмелевой в центре внимания оказались (1) внутrichастеречная категория (притяжательные прилагательные) (2007) и (2) глагольная морфологическая категория залога (2005), которая, по признанию В.В. Виноградова, является наименее разработанной и самой запутанной. (1) В литературном языке семантика притяжательности оказывается не-востребованной, что соответствует прогнозу В.В. Виноградова: мы предпочитаем семантику общих отношений, выражаемую относительными прилагательными и родительным падежом субстантива, но вне пределов литературного языка форма притяжательного прилагательного проявляет живучесть и активность. (2)

Докладчица предложила свою классификацию залоговых преобразований – «расположений», учитывающих типологию пропозиций.

Еще одним направлением работы Виноградовских чтений стала лингвистическая типология и компаративистика. Типологически дискурсивный подход к традиционно морфологическим категориям обсуждался в докладе В.А. Плунгяна (2004) на материале глагольной категории вида. В.А. Плунгян дал краткую характеристику роли и места дискурсивной теории в современной грамматической типологии и представил историю постепенного проникновения дискурсивных концепций в практику грамматических описаний как славянских, так и неславянских языков. В этом отношении работы В.В. Виноградова, еще в 1930-е гг. разработавшего текстовую трактовку (без использования терминов «дискурс» и «дискурсивный») видо-временных глагольных форм русского языка, оказываются намного опередившими свое время. А.В. Циммерлинг (2010) в докладе «Предикативы и дативные предложения: русистика и типология» соединил тип конструкции с семантикой корня предикатного слова и предложил многоаспектную сравнительную семантико-синтаксическую характеристику русских дативно-инфинитивных и дативно-предикативных структур на фоне подобных конструкций в древнеисландском и современном чешском языках. Докладчик показал, что образование русских предикативов связано с семантикой категории состояния, поэтому не от всех качественных прилагательных можно образовать предикативы; напротив, таких семантических ограничений не знает древнеисландский язык. Е.В. Горбова (2011) говорила о текстовых функциях русского глагольного вида в рамках контрастивного подхода, рассматривая русский вид «в зеркале испанского языка» (на материале корпуса параллельных художественных текстов). В докладе была прослежена общая тенденция передачи имперфективно-перфективных форм испанского глагола (прогрессивного аориста, прогрессивного перфекта и прогрессивного плюсквамперфекта) формой прош. несов. Как результат, можно констатировать сохранение аористического значения у прош. несов., о котором писал В.В. Виноградов в книге «Русский язык». В.Ф. Васильева (2001) представила принципы сопоставительного изучения деривационных структур русского и чешского языков. По критерию «деривационной активности» чешский язык был отнесен к языкам с практически неограниченными возможностями аффиксальных образований, русский – к языкам, в которых аналитические, двучленные наименования преобладают над аффиксаль-

ными дериватами. Наличие смысловых лакун в русском в системе существительных собирательных и абстрактных связано, по мнению докладчицы, с национальной спецификой форм мышления, с тем, что в русском языке понятие смысла имеет более детализированную интерпретацию, чем в чешском: в русском «предметы мысли живут более изолированной в формальном отношении жизнью».

Лексическая семантика обсуждалась в связи с динамическим аспектом: новациями в языке - как современном, так и древнем, в русском на фоне славянских языков, а также исследовались системные межуровневые связи лексической семантики. И.С. Улуханов (2000) выдвинул гипотезу, что свособразие эволюции церковнославянского языка русской редакции обусловлено прежде всего его традиционностью. Это проявляется в том, что наиболее типичные употребления слова постепенно становились единственно возможными, а единичные - невозможными. Контекстное употребление превращается в системное значение слова, и в этом значении слово нередко выходит за пределы церковнославянского языка. В.Б. Силина (2000) сформулировала критерии выделения старославянизмов на основании сопоставительного изучения данных исторических словарей и предложила считать старославянизмами такие языковые факты, которые как с синхронной, так и с исторической точки зрения не находят соответствия ни в диалектных системах данного языка, ни в системах других славянских языков. Н.М. Ёлкина (2000) обратилась к библейским текстам, чтобы показать, как формировалась расчетно-денежная система и какие лексемы были использованы для передачи соответствующих денежных единиц. Т.В. Пентковская (2009) показала, как в переводном тексте появляются лексические регионализмы. Помимо региональных элементов, принадлежащих архетипу перевода, выделяются локальные лексемы, появляющиеся при редактуре. Регионализация лексики при редактуре возникает под действием различных факторов: это адаптирующий перевод при отсутствии или неточном совпадении соответствующих реалий, стремление к разграничению синонимичных единиц иноязычного оригинала, приведение словоупотребления инославянского по происхождению текста в соответствие с собственной церковнославянской нормой. А.В. Степанов (2005) представил аудитории обнаруженные в архиве профессора МГУ А.И. Ефимова фрагменты рукописи В.В. Виноградова «История значений слов *убедить* и *убеждение* в русском языке». Это текст «объемом 15–16 страниц машинописи и от руки», в котором проблематика семантической

истории слов соединяется с важной для академика В.В. Виноградова темой взаимодействия литературного языка и народных говоров. Исследуя разные контексты со словами *убедить* и *убеждение*, автор рукописи показывает весь семантический диапазон этого корня: от значения 'беды', 'физического вынуждения', 'моральной принудительности' (ср. *победный* 'невезучий', 'несчастный') в глаголе *убедить* до значения 'твердого взгляда на вещи' в слове *убеждение*. В докладе С.М. Толстой (2005), посвященном сравнительной славянской семасиологии, были предъявлены результаты исследования семантической истории одного корня в разных славянских языках на примере прилагательного *пресный*. Семантическая сущность слова *пресный* и слов подобного типа (*сухой*, *простой*, т. е. имеющих семантику недостаточности) выражается в докладе терминами «каритив» и «каритивная семантика». Особенность каритивных слов состоит в том, что, сохраняя сему недостаточности, они заполняются тем или иным предметным содержанием (соединяясь с названиями пищи, наименованиями лиц, природных объектов, событийными именами) в разных славянских языках. Таким образом, при внешнем несовпадении лексических значений, слова, восходящие к одному праславянскому корню, удерживают семантическое единство в общем пространстве славянских языков. На материале «Песен» А.В. Кольцова А.В. Степанов (2002) подтвердил гипотезу В.В. Виноградова, который, рассматривая семантику фразеологизма *красный петух*, соглашался с В.И. Чернышевым в том, что это сочетание нельзя считать синонимом слов *огонь*, *пожар*, *пламя*, поскольку оно существует в составе неразложимого фразеологизма *подпустить красного петуха*, что означает 'поджечь', и восходит к разбойничьему жаргону. М.Л. Ковшова (2004) показала, что анализ эстетической оценки в семантике прилагательных позволяет определить границы денотативной области прекрасного и безобразного. История развития значения оценочных прилагательных объясняет синкретичность эстетической оценки в их семантике: оценочным прилагательным свойственно «семантическое движение» от этики к эстетике и от эстетики вновь в область этического, а также утилитарного, гедонистического и др. В.З. Демьянков (2009) показал соотношение старого и нового в семантической структуре прилагательных *концептуальный*, *креативный*, *очаровательный*, *пленительный*, *прелестный*. Соотношение лексико-семантической и словообразовательной систем русского языка рассматривалось в докладе И.С. Улуханова (2005) на примере мотивированных и немотивированных слов в

одной лексико-семантической группе. В докладе Е.В. Клобукова (2001) рассматривались окказиональные производные слова (*ВМесте* = *вместе*, *ВМ* – «Вечерняя Москва»), способ образования которых был назван графической инкорпорацией.

С достижениями современной лексикографии слушателей знакомили доклады, посвященные словарям нового типа. В докладе М.В. Всеволодовой (2007) обсуждались первые результаты межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис». В докладе были продемонстрированы словарные статьи из «Материалов к словарю русских предложных единиц (предлогов и их эквивалентов). Функциональная грамматика реального употребления. Частично атрибутированный список в диапазоне букв А–И. Неатрибутированный список в диапазоне букв К–Ю». В докладе Л.Л. Шестаковой (2011) основное внимание было уделено «Сводному словарю поэтического языка», включающему лексику десяти поэтов Серебряного века, как источнику изучения индивидуальных поэтических систем. Докладчица представила разные типы словарей, которые относятся к сфере «авторской лексикографии». Историческим предшественником словарей, отражающих особенности языка отдельных авторов, является «Словарь языка Пушкина», ответственным редактором которого был В.В. Виноградов. В докладе А.Д. Шмелева (2001) высказывались соображения о принципах представления прономинализованных имен (существительных с предельно общим, «неопределенно-предметным» по В.В. Виноградову, значением) в будущей лексикографической практике.

Особую ветвь составляют доклады, посвященные машинной обработке лексики. В докладе А.Я. Шайкевича (1999) «Лексика пушкинской поэзии (возможности статистического анализа)» были представлены четыре направления статистического изучения пушкинской поэзии: 1) сравнение частот слов с аналогичными частотами во всех сочинениях Пушкина; 2) статистическое сравнение лексики поэзии Пушкина и поэзии его современников; 3) анализ лексики жанровых подкорпусов поэзии; 4) анализ текстуальных связей пар слов. Доклад А.А. Поликарпова (2003) представлял результаты обработки «Компьютерного корпуса русских газет конца XX века». Разработанные в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии программы позволяют выявить лексико-семантические и грамматические особенности разных газетных жанров (в работе было задействовано 23 тыс. текстов, 10 млн словоупотреблений). Сплошной анализ

текстов с учетом разграничения предметных и признаков лексем показал, что информационные жанры характеризуются преобладанием лексики предметной, а публицистические и художественно-публицистические – лексики абстрактной, признаковой. Особым направлением компьютерных исследований корпуса газетных текстов стало изучение дейктических и служебных слов. Подтвердилась гипотеза о том, что частотность предлогов коррелирует с частотностью предметной лексики (в информационных жанрах предлоги многообразнее и употребляются чаще). В докладе Е.В. Ягуновой и Л.М. Пивоваровой (2011) были представлены результаты анализа лексики «Петербургских повестей», «Мертвых душ», «Миргорода» и «Вечеров на хуторе близ Диканьки», к которым применялась методика вычислительного эксперимента и эксперимента с информантами. Это относительно новое направление исследований показывает, что экспериментальные методы могут успешно сочетаться с творческой интуицией филолога.

Не случайной оказывается в программе Чтений и **фонетическая** тематика: В.В. Виноградов в начале научного пути под руководством А.А. Шахматова занимался изысканиями в диалектной и исторической фонетике. Современные фонетические исследования ставят в центр внимания просодическую организацию звучащей речи, что сближает интересы сегодняшних фонологов и синтаксистов. В докладе Л.В. Златоустовой (2004) обосновывалась необходимость разграничения просодических признаков и просодических единиц: мелодики, интенсивности, длительности, тембра, с одной стороны, и слога, фонетического слова, синтагмы, фразы, фоноабзаца – с другой. В докладе были приведены доказательства соотношения сознательного, бессознательного и врожденного в процессе порождения и восприятия речи; предложена типология базовых просодических единиц на уровне синтагмы, высказывания и текста. С.В. Кодзасов (2001) говорил о необходимости перехода от изучения семантики интонационных конструкций к изучению семантики их компонентов – интоном (акцентов, тонов, долгот), что аналогично принятому в грамматике способу исследования семантики морфем (вида, числа и т. п.). С.В. Кодзасов сформулировал закономерности соотношения в высказывании тонов ремы и темы: семантическим является тон ремы (восходящий или нисходящий), а тон темы адаптируется к нему по принципу «отрицательного согласования» (соответственно нисходящий либо восходящий).

Два доклада посвящены **классификациям лингвистических школ и персоналий** – доклады С.Н. Кузнецова (2001) и В.М. Алпатова

(2009). Идея критического обзора персоналий в лингвистике была реализована самим В.В. Виноградовым в его науковедческих статьях, которые позже вошли в книгу «История русских лингвистических учений»⁸.

С.Н. Кузнецов разграничил филологии анализирующие и синтезирующие, описательные и объяснительные, лингвистики принимающие и отдающие. Российское языкознание занимает особое место в лингвистике XX в.: оно соединило анализирующий и синтезирующий подходы, стало источником разных направлений функционализма, дало мировому научному сообществу особый тип ученых, которые в докладе были названы «учеными-мостами» (например, Р.О. Якобсон).

В докладе В.М. Алпатова были охарактеризованы отечественные лингвисты второй половины XIX – первой половины XX в. в аспекте научного приоритета – языкового материала или теоретических построений. Докладчик показал, что выбор научной «специализации» зависит от двух факторов: субъективного (склонности самого ученого, его типа мышления) и объективного (эмпирического или теоретического этапа в развитии лингвистики). В.М. Алпатов отметил, что в самой истории мировой науки, включая русскую, идет постоянная смена приоритетов. Едва ли не в каждой дисциплине чередуются периоды интенсивной работы теоретической мысли и следования устоявшимся канонам, открытия новых фактов и стремления переосмыслить то, что уже известно. И в одни периоды легче работать тому, кто склонен к «подготовке фактического материала», а в другие эпохи ценятся способные обобщать. Как правило, первые выходят на авансцену в спокойные периоды развития уже сложившейся науки, вторые – на самых ранних этапах формирования той или иной дисциплины и в эпохи смены научных парадигм. Говоря о повороте от лингвистики исторической к синхронии, докладчик отметил, что некоторые из ученых старой школы выходили за пределы традиционных исторических сюжетов, как, например, А.М. Селищев, автор известной книги «Язык революционной эпохи». Б.М. Ляпунов не одобрял даже это, объяснив выбор темы «практиче-

скими соображениями». Но если мы сравним книгу Селищева с публикациями Е.Д. Поливанова в те же годы, то видно различие. Поливанов при небольшом количестве примеров все время обобщает, строит концепции, прогнозирует, а у называвшего себя «летописцем» Селищева обширный набор очень интересных, но лишь первично обработанных фактов. Отказываясь от «бескрылого крохоборства», «дух времени» мог вести к противоположной крайности полного противоречия фактам, что постоянно происходило у Марра в 20–30-е гг.

Факты долговечнее интерпретаций, а ученые-позитивисты умели их собирать, и многие их труды используются и сейчас. В отличие от других философских течений, позитивизм обладает способностью стихийно возрождаться тогда, когда ученые ограничивают свои задачи накоплением фактов, а в лингвистике и востоковедении, как и в археологии, это накопление не могло прекратиться даже в советское время.

Но как бы ни менялись теории, они в большинстве своем приближают нас к истине, пусть далеко не полностью и с разных сторон (хотя бывают и тупиковые направления вроде марризма). Неизбежно наступают времена кризиса и перелома, когда необходим прорыв в теории, нередко приобретающий характер научной революции; тогда часто не нужно искать новые факты, достаточно по-новому интерпретировать то, что известно. На первый план в развитии науки выходит то описание, то объяснение.

В.В. Виноградов умел на базе анализа собранного материала строить теоретические обобщения, поэтому в истории науки он останется не только как организатор науки, не только как позитивист – собиратель фактов, но и как теоретик.

Итак, Виноградовские чтения в МГУ уверенно вступили в новое столетие. Впереди новые встречи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 2005 – В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
Виноградов 1975 – В.В. Виноградов. Из истории изучения поэтики (20-е годы) // ИАН СЛЯ. 1975. № 3 (http://www.opojaz.ru/vinogradov/vinogradov_iz_istorii.html).
Виноградов 1995а – В.В. Виноградов. Вятские будни / Сост. и примеч. А.Б. Гуськовой // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 1.
Виноградов 1995б – В.В. Виноградов. «... сумею преодолеть все препятствия...»: Письма Н.М. Виноградовой-Малышевой / Сост. и подгот. текста Г.А. Золотовой, В.М. Мальцевой. Вступит. ст. и коммент.

⁸ Названные выше доклады можно рассматривать в качестве своеобразной реплики на знаменитую классификацию ученых, предложенную в свое время Т.М. Николасвой [Николасва 1990]; далее, в 2011 г., этот сюжет нашел продолжение в докладе П.Б. Паршина о знаменитых лингвистах (доклад был прочитан на Международной конференции «Понимание и коммуникация – 5», проходившей в Москве в феврале 2011 г.).

- А.П. Чудакова // Новый мир. 1995. № 1.
- Гуськова 1995 – А.Б. Гуськова. Письма из ссылки (1934–1936) // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 1.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 1998/2004 – Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998; 2-е изд. 2004.
- Козлов 2011 – С.Л. Козлов. Осень филологии // Новое литературное обозрение. 2011. № 110 (4).
- Николаева 1990 – Т.М. Николаева. Опыт классификации ученых: метод – объект // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- ПФГ (в печати) – Проблемы функциональной грамматики. СПб., (в печати).

Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, Е.Н. Никитина

Сведения об авторах:

Галина Александровна Золотова
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Надежда Константиновна Онипенко
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
onipenko_n@mail.ru

Елена Николаевна Никитина
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
yelenon@mail.ru